

Бай Шу перед Хан Сиэнем всегда был как на ладони: что на уме, то и на языке. Так повелось исстари, так оставалось и ныне — его чистая, бесхитростная душа ничуть не изменилась.

На фоне остальных, чьи мысли сейчас шумели предвкушением императорской награды за поимку преступника, искренность юноши и его открытый взгляд казались чем-то удивительным, почти чуждым этому суетному миру.

Хан Сиэнь вгляделся в серьезное, озаренное робкой радостью лицо Бай Шу, прочитал невысказанную надежду в его глазах и, помолчав, негромко произнес:

— Бай Шу, тогда я говорил о доверии лишь потому, что ты искусен в боевых искусствах и слышишь то, что недоступно другим. В тот миг твоим словам действительно стоило верить, однако...

Договорить ему не дал стражник, торопливо вбежавший в комнату. На лице воина сияла неприкрытая радость: он уже подсчитывал в уме свою долю награды — пусть и малую, но вполне достаточную, чтобы помочь семье.

Подойдя к Хан Сиэню, он почтительно склонился:

— Наследник, у ворот просит аудиенции тысяцкий армии Сицзяна Бай Вэньхань.

Бай Шу тут же восторженно перевел взгляд на стражника:

— Брат прибыл один?

Воин слегка опешил от подобной бесцеремонности, но, заметив, что Хан Сиэнь и не думает останавливать юношу, вежливо ответил:

— Нет, тысяцкий Бай привел с собой отряд пограничников.

— О, — протянул Бай Шу и обернулся к Хан Сиэню: — Хан Сиэнь, мой брат приехал.

Услышав, как просто и панибратски Бай Шу зовет Наследника по имени, стражник проникся к нему невольным уважением.

Всю дорогу от столицы Хан Сиэнь говорил мало и не докучал свите капризами, однако для всех он оставался человеком тяжелым и нелюдимым. Своего недовольства Наследник не скрывал: если кто-то назойливый лез к нему под горячую руку, он мгновенно багровел от гнева и осыпал бедолагу такими резкими словами, что тот не знал, куда деться от стыда.

За время пути воин успел убедиться воочию: когда Хан Сиэнь бывал не в духе, он ни перед кем не заискивал. Ни перед пятым принцем Цзи Хуаем, ни перед Чжоу Жанем у городских ворот, ни перед генерал-губернатором Чжао Вэнем, которого Наследник только что приказал взять под стражу.

И лишь с Бай Шу он держался иначе — между ними явно существовала особая, необъяснимая связь.

Одно лишь это заставляло стражника смотреть на юношу с почтением и оказывать ему всяческое внимание.

Пока стражник предавался размышлениям, Хан Сиэнь едва заметно кивнул:

— Проси господина Бая войти.

Когда воин удалился, Хан Сиэнь заметил, что Бай Шу устремил нетерпеливый взор на двери. Заготовленные холодные, отрезвляющие слова застряли у Наследника в горле — нужный миг ушел, и возвращаться к разговору теперь казалось нелепым.

"Ладно, — подумал Хан Сиэнь, — все равно придется задержаться на границе. Найду время и поговорю с ним позже".

Едва переступив порог вслед за стражником, Бай Вэньхань почувствовал, что между Наследником и его братом повисла неловкая, странная тишина. Впрочем, убедившись, что с Бай Шу все в порядке, он не стал раздумывать над этим.

К тому же вокруг царил невообразимый кавардак: в залах резиденции генерал-губернатора Сицзяна всюду сновали столичные стражники, вынося сундуки и бумаги.

Домочадцев и слуг Чжао Вэня гвардейцы заперли во внутреннем дворе. Несчастные даже не понимали, что стряслось и почему в одночасье небо над их домом обрушилось на землю.

Хан Сиэнь жестом остановил согнувшегося в поклоне тысяцкого. Бай Вэньхань выпрямился и посмотрел на юношу в маске. Тот взирал на творящийся хаос с абсолютным, леденящим равнодушием, и от этого взгляда на душе у тысяцкого стало беспокойно.

Дорога к заставе была долгой, и тысяцкий не раз думал о том, что Наследник попытается прижать Чжао Вэня к ногтю, но не ожидал, что тот решится на столь сокрушительный удар.

Впрочем, удивление быстро прошло. Бай Вэньхань знал, что Хан Сиэнь не терпел

компромиссов и полумер. Чжао Вэнь мог сколь угодно долго кичиться своим высоким положением перед другими, даже великий генерал Лю Хучэн выказывал ему почтение, но для Наследника губернаторский сан ничего не значил. Этот человек пренебрег волей самой Вдовствующей императрицы, так с чего бы ему щадить какого-то наместника?

Однако Хан Сиэнь взлетел так высоко лишь благодаря милости Сына Неба. И на этот раз всё было иначе: на границу он прибыл лишь как императорский инспектор, не имея полномочий вершить суд.

Он мог выказать неуважение к Вдовствующей императрице, мог презирать столичных сановников, но не смел задевать достоинство самого государя.

В прежние годы, когда Хан Сиэнь разорял и пускал с молотка дома мятежников, за его спиной всегда стоял монарший указ. Даже во время наводнения в Цзяннани он не сдвинулся с места, пока дело не коснулось его напрямую, предпочтя смотреть, как гибнут улики, но не нарушая границ дозволенного.

Император дорожил своим величием, и кому, как не Хан Сиэню, знать об этом? Именно поэтому тысяцкий до последнего сомневался, отважится ли Наследник на арест.

Но свершившееся превзошло все ожидания: Хан Сиэнь молниеносно упрятал генерал-губернатора Сицзяна за решетку. Оставалось лишь гадать, как воспримет это известие владыка в столице и какая кара — или милость — ждет строптивого посланника.

Постичь волю Сына Неба Бай Вэньхань не мог, а потому решил сделать единственное, что было в его силах: как можно скорее собрать доказательства преступлений Чжао Вэня и передать их Наследнику. Это уберегло бы Хан Сиэня от обвинений в произволе и дало бы его действиям законное основание.

Тысяцкий промолчал о своих намерениях, лишь тихо наблюдал, как изысканное убранство резиденции тонет в хаосе обыска.

Хан Сиэнь же казался на удивление отрешенным. Возможно, оттого, что ему впервые пришлось проглотить недосказанное, присутствие Бай Шу внезапно стало его тяготить. Наследник не привык терпеть неудобства ради приличия.

Слегка приподняв веки, он посмотрел на стоявшего неподалеку Цзи Хуая и ровным голосом произнес:

— Пятый принц, у меня появились неотложные дела, я вынужден откланяться. Пусть здесь останутся господин Бай и столичные гвардейцы. Присмотрят за добром, чтобы у кого-нибудь из местных не разгорелись глаза на чужое имущество. Не стоит пятнать честное имя столицы, верно?

Цзи Хуай натянул на лицо фальшивую улыбку:

— Перед отъездом отец ясно дал понять, что именно ты, Наследник, назначен Главным императорским инспектором. Тебе и решать. К чему пустые расспросы?

— Ах да, — отозвался Хан Сиэнь с притворным удивлением. — Совсем позабыл о своих полномочиях. — Он повернулся к тысяцкому и вежливо кивнул: — В таком случае оставляю всё на вас, господин Бай.

Бай Вэньхань почтительно склонил голову:

— Почту за честь, Наследник. Можете положиться на меня.

Наследник одобрительно прищурился и скользнул взглядом по собиравшемуся уходить вместе с ним Бай Шу:

— А ты останься здесь и помоги брату.

Юноша радостно закивал. Одно лишь воспоминание о том, что Хан Сиэнь признал свое доверие к нему, согревало сердце и вызывало глупую улыбку.

Глядя на его сияющее лицо, Наследник раздосадованно поджал губы. Он уже горько раскаивался, что не договорил тогда, у ворот. Теперь недомолвка грозила перерасти в глупое недоразумение.

Но делать было нечего — время для объяснений ушло. Подавив глухую досаду, Хан Сиэнь покинул резиденцию.

Едва за Хан Сиэнем закрылись двери, Цзи Хуай проводил его тяжелым взглядом, а затем повернулся к братьям Бай. Улучив минуту, когда суета обыска скрыла их от лишних глаз, он подошел к тысяцкому и вкрадчиво, понизив голос, заговорил:

— Генерал Бай, один вопрос не дает мне покоя. Мое положение не позволяет мне запросто заглядывать к вам в походный шатер, так, быть может, вы ответите мне здесь?

Бай Вэньхань почтительно опустил веки:

— Ваше Высочество изволит шутить. Я давно лишился генеральского звания и ныне всего лишь скромный тысяцкий. Можете звать меня просто по имени. Спрашивайте о чем угодно — если

это в моих силах, я отвечу.

— И все же, генерал Бай... — Цзи Хуай заговорил еще тише, и в его хрипловатом шепоте отчетливо зазвучал яд. — Мне любопытно: неужели вы совсем не держите зла на Наследника Хана? Да, клан Бай поступил с вами жестоко, но ведь десятки ваших родственников, включая родного отца, сгинули без следа именно по его вине. Неужели, глядя ему в лицо, вы не чувствуете ни капли горечи?

— Что ты несешь? — прежде чем брат успел открыть рот, Бай Шу сделал шаг вперед. Лицо его, обычно такое приветливое, потемнело от ярости, а в глазах блеснула опасная сталь.

Бай Вэньхань предостерегающе положил руку на плечо брата, заставляя того умолкнуть. Спокойно взглянув на принца, он ответил:

— Ваше Высочество, кара, постигшая клан Бай, свершилась по священной воле Его Величества. Мне не в чем винить Наследника Хана — он лишь исполнял закон. Я знаю, что Добродетельная наложница Сянь-фэй по сей день не покидает своих покоев во дворце, и ваша сыновняя тревога вполне понятна. Но государь зрит в самый корень. Ошибки прошлого нельзя стереть из памяти, как нельзя утаить шило в мешке. Всему свой срок, и за всякое деяние, благое или дурное, рано или поздно придет расплата.

Цзи Хуай злорадно хмыкнул:

— Понимаю, к чему вы клоните, господин тысяцкий. В ваших глазах и моя матушка, и ваш отец получили по заслугам. Но я преданный сын! Вот уже три года, приходя во дворец, я могу лишь стоять у закрытых дверей — мне не дозволено даже взглянуть на ту, что подарила мне жизнь! Мое сердце обливается кровью. Я не из тех трусливых тварей, что дорожат собственной шкурой и готовы отречься от родной крови ради милости свыше. И мне плевать, как сильно отец любит своего Наследника Хана, — я его не боюсь!

Слова о трусости и выгоде принц выплюнул с такой злобой, что Бай Шу тяжело, шумно выдохнул, свирепо уставившись на обидчика.

Бай Вэньхань бросил на младшего брата строгий взгляд. Тот нехотя опустил голову, но кулаки его остались сжаты.

Повернувшись к Цзи Хуаю, тысяцкий холодно проговорил:

— Ваше Высочество, моя ссылка в Сицзян — это решение Его Величества. Ни в одном указе государя не сказано, что я влачу здесь жалкое существование. Позволю себе повторить слова Наследника Хана, в которых кроется глубокая истина: если вы недовольны волей императора, вам стоит выразить свой протест лично ему. Пусть владыка издаст новый указ и покарает меня так, как вы сочтете нужным.

От этих слов лицо Цзи Хуая пошло пятнами — то бледнело, то наливалось багровым гневом. Он лишь хотел вбить клин между братьями и Хан Сиэнем, но упоминание о Добродетельной наложнице лишило его самообладания.

В итоге тысяцкий без труда разгадал его умысел, оставив принца в дураках. "Три года прошло, а я так и не научился сдерживать порывы", — с горечью подумал Цзи Хуай.

Тем временем Бай Вэньхань сухо поклонился:

— Прошу простить, Ваше Высочество, служба зовет. Не смею более отвлекать вас.

Он подал знак брату, и они зашагали прочь, оставив принца наедине со своей злобой.

Стоило им отойти на приличное расстояние, как Бай Шу горячо зашептал:

— Брат, он ведь нарочно пытался нас рассорить! Не слушай его!

— Знаю, — коротко отозвался тысяцкий.

Лишь тогда напряженные плечи юноши расслабились, и он облегченно вздохнул.

Глядя на брата, Бай Вэньхань мысленно сокрушался. В свое время Хан Сиэнь безжалостно вытащил на свет грязные дела кланов Бай и Ши. И пускай братья не следили за судьбой бывших родственников, финал был предсказуем: император никогда бы не простил предательства. Наверняка весь их род вырезали под корень.

Они давно разорвали узы с кланом Бай. Когда вскрылась правда о том, за какие грехи отец отыгрывался на них, а затем умерла их матушка, в душах братьев не осталось ничего, кроме глухого омерзения.

Порой глубокой ночью Бай Вэньхань думал, что среди слуг могли оказаться невинные души, но господа заслужили свою участь до единого. А потому их гибель его не заботила.

Что же касается чувств к Хан Сиэню... тысяцкий испытывал к нему признательность, смешанную с невольным трепетом и страхом перед его беспощадной силой.

Он и представить не мог, что пятый принц опустится до столь топорных интриг и так легко выдаст себя при одном упоминании о Сянь-фэй. Слишком нетерпелив, слишком слаб.

Тем временем пришедшие с тысяцким пограничники во все глаза созерцали творящееся безумие. Им никогда прежде не доводилось видеть, как столичные чиновники разоряют

вельможные гнезда, и сейчас они лишь растерянно переглядывались.

Генерал-губернатор Чжао Вэнь всегда держался заносчиво. Он ни в грош не ставил великого генерала Лю Хучэна, постоянно грозился урезать снабжение армии и доносил в столицу, будто пограничные войска слишком сильны и выходят из-под контроля государя.

И вот этого грозного временщика, с которым не мог сладить сам командующий Лю, в одно мгновение сокрушил Хан Сиэнь — юноша, скрывающий лицо за маской и изъясняющийся столь изящно. Ему потребовалась всего одна встреча, чтобы перевернуть резиденцию вверх дном.

Глядя на сундуки с чистым серебром, нескончаемой вереницей выносимые из кладовых, воины Сицзяна не верили собственным глазам. Всё происходящее казалось зыбким сном.

Лишь теперь до многих дошел истинный смысл слухов, что ходили о Хан Сиэне три года назад в столице. Не зря его звали вестником несчастий и карающим мечом — горе тому, кто встанет у него на пути.

Осознав это, солдаты посмотрели на братьев Бай с благоговением. Уметь ладить с таким грозным человеком и при этом не оказаться на плахе — воистину, это требовало покровительства самих богов!

Хлопоты в резиденции затянулись до глубокой ночи, и лишь в предрассветный час Бай Вэньхань увел уставших людей обратно в лагерь. Чтобы подробнее доложить главнокомандующему Лю Хучэну о случившемся, он взял брата с собой.

В главном шатре Бай Шу без утайки выложил всё как есть: от первого удара набатного колокола до того момента, как Наследник переступил порог резиденции генерал-губернатора.

Выслушав рассказ, Лю Хучэн схватился за голову. Чжао Вэнь правил всеми здешними землями, и то, как легко Хан Сиэнь упрятал его за решетку, да еще и подкрепил арест какими-то бумагами, не укладывалось в голове. Как теперь управлять краем? Что докладывать императору? И не падет ли тень подозрения на саму армию Сицзяна?

Командующий принялся мерить шатер неровными шагами, после чего остановился перед тысяцким:

— Как думаешь, зачем Наследник затеял всё это?

Бай Вэньхань на мгновение задумался и честно ответил:

— Должно быть, не вытерпел беззакония. Характер у Наследника крутой, его поступки нельзя мерить обычной меркой.

Лю Хучэн хмуро кивнул:

— А государь? Не обрушит ли он свой гнев на наши головы?

— Хан Сиэнь всегда действовал в одиночку, — успокоил его тысяцкий. — Наш повелитель прекрасно знает его нрав, так что на армию гнев не падет. Беспокоиться стоит лишь о том, уцелеет ли сам Наследник после такой выходки.

Лю Хучэн долго переваривал услышанное, а затем прищурился:

— Поговаривают, будто Наследника Хана связывают особые узы с Наследным принцем. Это правда?

Бай Вэньхань мысленно нахмурился, но ответил прямо и твердо:

— Генерал, я смею утверждать, что хорошо знаю характер Наследника. То, что Третий принц взошел на престол Наследника, действительно связано с делами рук Хан Сиэня, но сам он к этому не стремился. Он слишком горд и чуждается придворных союзов, так с чего бы ему плести интриги ради чужого возвышения?

Командующий кивнул — поверил он или лишь сделал вид, понять было трудно.

— Что ж, Вэньхань, я полагаюсь на твое слово. Нам, воинам рубежей, не пристало совать нос в эти дрязги. Пусть Наследник творит что вздумается. — Он помолчал, а затем скользнул лукавым взглядом по стоявшему рядом юноше: — Кстати, о странностях. Недавно в лагере произошел нелепый случай. Я велел во всем разобраться, но виновных так и не нашли. Пострадавшие уверяют, что никого не обижали, разве что накануне в трактире недобрым словом помянули Хан Сиэня. И надо же было такому случиться, что как раз в тот миг мимо проезжал паланкин Наследника. Тебе об этом ничего не известно, Бай Шу?

Бай Шу удивленно замигал, а когда понял намек, нахмурился и искренне произнес:

— Генерал, Наследник ни о чем таком не упоминал. Он слаб здоровьем, да и расслышать сквозь плотные занавеси паланкина вряд ли бы сумел.

Лю Хучэн хмыкнул и посмотрел на тысяцкого:

— Твой брат совсем на тебя не похож. Наследник, может, и слаб телом, да только за его спиной стоят мастера боевых искусств. Что ж, похоже, это происшествие так и останется без разгадки.

Бай Вэньхань собирался сгладить неловкость, но Бай Шу горделиво вскинул подбородок:

— Генерал, при всем уважении, среди телохранителей Наследника нет никого, кто мог бы превзойти меня в мастерстве.

Командующий покачал головой, не зная, радоваться ли глупости юноши или опасаться его скрытности. Впрочем, из этого разговора он не выведal ничего ценного. Рассмеявшись, он похлопал юношу по плечу:

— Твоя сила известна всей заставе. Что ж, верно служи Наследнику, это благое дело.

Бай Шу почтительно поклонился.

Расспросы были окончены, и командующий отпустил братьев.

Выйдя из шатра в ночную прохладу, Бай Вэньхань посмотрел на темное небо:

— Час поздний. Оставайся сегодня в лагере, переночуешь у меня.

— Хорошо, — легко согласился младший.

Вернувшись в каморку, они наскоро перекусили в темноте и улеглись на узкие топчаны. Однако сон не шел к обоим.

Бай Вэньхань прекрасно понимал тайный умысел командующего. Арест генерал-губернатора Чжао Вэня встревожил Лю Хучэна — он панически боялся, что Наследник начнет совать нос в дела армии.

Именно поэтому командующий, искусно прощупывая почву, упомянул Наследного принца и намекнул на странный случай в лагере. Лю Хучэн давно знал о переписке тысяцкого со столицей, и Бай Вэньхань не пытался это скрывать. Нынешними расспросами генерал пытался выяснить, действует ли Хан Сиэнь по указке Наследного принца.

К счастью, при упоминании о проделке в лагере Бай Шу проявил удивительную хватку и не выдал себя ни единым жестом. Как бы сильно Лю Хучэн ни подозревал юношу, без улик он не посмел бы тронуть лучшего воина Сицзяна.

И все же на душе у тысяцкого было скверно. В этом мире нет безгрешных людей, у каждого своя корысть и свои тайны.

Бай Вэньхань понимал мотивы генерала, но от мысли о грядущих интригах ему становилось не по себе.

Пока тысяцкий размышлял о своем будущем, Бай Шу ни о чем подобном не думал. Но уснуть тоже не мог: жесткий деревянный настил, на котором он безропотно спал последние три года, сегодня казался невыносимо неудобным. В голове упрямо вертелась мысль о покоях Хан Сиэня и его невероятно мягкой, широкой постели.

От этих мыслей в груди становилось тесно и жарко. Наконец, устав метаться, он резко сел. Прежде чем брат успел спросить, в чем дело, юноша тихо бросил:

— Выйду наружу, облегчусь.

В лагере строго следили за порядком, и для нужд были отведены особые места, но упрямый по своей природе Бай Шу всегда искал уединения там, где ему вздумается.

Зная эти повадки и полагаясь на его исключительное мастерство, Бай Вэньхань лишь тихо предостерег:

— Не уходи далеко и поживее возвращайся. Не ровен час, поймают.

Бай Шу скользнул за полог. Найдя глухой, заросший кустарником угол, он уже собрался было сделать дело, как вдруг ночной ветер донес до него тихие, прерывистые вздохи и стоны, от которых лицо юноши мгновенно вспыхнуло пунцовой краской.

Юноша не был невинным младенцем и прекрасно понимал, что происходит в темноте. Первым его порывом было уйти, но в следующее мгновение любопытство взяло верх, и он, крадучись, бесшумно двинулся на звук.

Когда Бай Шу вернулся в шатер, его щеки пылали огнем. По счастью, в темноте брат ничего не заметил.

В ту ночь ему приснился странный, волнующий сон, полный запретного блаженства. Когда он открыл глаза, предрассветная мгла еще укутывала лагерь. Юноша долго лежал, безучастно глядя на серый, засаленный купол шатра, а его разум оставался пуст, в то время как исподнее под ним промокло насквозь.

Весь следующий день Бай Шу не показывался в городе, смирно отсиживаясь в лагере. Тысяцкий не на шутку удивился: с чего вдруг младший брат растерял всю свою прыть и больше не рвется к Хан Сиэню?

Впрочем, служебные хлопоты быстро отвлекли его от расспросов, и он так и не заметил замешательства брата, равно как и тщательно выстиранного белья, которое тот тайком повесил сушиться в самом дальнем углу за палаткой.

Тем временем, пока Хан Сиэнь опустошал сокровищницы генерал-губернатора и отправлял арестованных домочадцев Чжао под конвоем в столицу, у границ Великой Чжоу со стороны земель Сижун показалась толпа кочевников.

Они гнали перед собой пленных подданных империи, точно бесправный скот. Достигнув пограничных рубежей, степняки выставили великому генералу Лю Хучэну дерзкое требование: вернуть их соплеменников, томящихся в тюрьмах заставы, либо заплатить выкуп.

Один пленник в обмен на одного воина Сижун. Если же обмена не произойдет, за каждую спасенную жизнь империя должна выложить тысячу лянов серебра. Кочевники дали пограничникам три дня: за каждую недостающую тысячу лянов они обещали лишать жизни одного пленного каждые сутки.

<http://bllate.org/book/20088/2002082>